



Клеменс Подевилъс
Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта
на Восточном фронте. 1942-1943

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610165

*Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942—1943 / Пер. с нем. А.В.
Королькова.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02049-9*

Аннотация

Немецкий офицер Клеменс Подевилъс по заданию командования вермахта совершал поездки на Восточный фронт и составлял отчеты о дислокациях и рекогносцировках войск, результатах проводимых боевых операций, потерях в технике и живой силе и тому подобных показателях, отражающих состояние армии и положение на фронте. Выполняя свою задачу, автор проследовал от Варшавы до Сталинграда и подробно описал в дневнике бои местного значения и решающие сражения на берегах Дона, с последующим форсированием реки, битву за Сталинград и уличные бои за каждый дом, уделяя особое внимание бытовой стороне солдатской жизни на фронте.

Содержание

Середина апреля 1942 г	4
22 апреля	6
1 мая	7
15 мая	8
23 мая	9
Берлин, 26 мая	10
29 мая, Лётцен[4]	11
30 мая	12
1 июня, Корец (населенный пункт между Ровно и Киевом)	13
1 июня	14
2 июня, Полтава	16
4 июня, Харьков	17
5 июня	18
8 июня, пребывание в населенном пункте	19
9 июня	20
10 июня	21
11 июня	22
12 июня	23
13 июня	25
14 июня	26
26 июня	29
28 июня	31
29 июня	32
30 июня	33
2 июля (письмо Х. Грюнингеру[16])	34
4 июля	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клеменс Подевилъс

Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942—1943

Середина апреля 1942 г

Шесть недель творческого отпуска и – домой.

Ранним утром я вышел из казармы. Дорога ведет через дубовый лес. Вековые деревья растут далеко друг от друга. Иду по песку колеи, он слегка поддается при каждом шаге. Вокруг лес и утренняя тишина.

Над улицами Потсдама светит весеннее солнце, золотит фигуры строгого фридрианского рококо¹.

Поезд на перегоне между Берлином и Виттенбергом (ныне Лютерштадт-Виттенберг. – *Ред.*) направляется по высокой насыпи в долину Эльбы. Весной река вышла из берегов, поэтому состав движется как по волнам. Последний луч алого заходящего солнца падает на изумрудную полосу воды.

Ночью поезд проходит через Плауэн в Эгер (ныне Хеб в Чехии. – *Ред.*), он почти пуст. Ко мне на некоторое время подсаживается кондукторша, бойкая, энергичная дама, родом из Саксонии, молодая и симпатичная. Она замужем, у нее четырехлетний мальчик. Находясь в поезде, она выполняет боевую задачу. Она бодро несет службу. Шапочка лихо сидит на ее белокурых кудрях набекрень, как стрела амура. «Ах, девочка, раньше, когда я состоял в движении социалистической молодежи, мы много двигались, но я никогда не падал на танцплощадке». Она не беспокоится за исход войны. «Фюрер...»

Во время длительной остановки поезда я прошелся по старинному Эгеру. Ночь безлунная и холодная, город располагается в затененной местности, будто в ущелье. Небольшой дом, где был убит Валленштейн². На городской площади неслышно журчат два фонтана. Внизу на башне, как гром, каждый час тишину нарушает бой часов.

Наконец, в 5 часов поезд трогается. Светает. Перед глазами медленно предстает ранее скрытый темнотой ландшафт. Железная дорога проложена в выемке – с обеих сторон склоны сланцевой коренной породы. Выше, ближе к небу, – темный хвойный лес – ели и сосны. Ниже, под виадуком, темная вода – река Миза³. Все больше занимается восток, небо постепенно становится кристально-синим. В утреннем небе движется остроконечное, словно копье, облако, его края пылают, они точно объяты пламенем и растворяются в прозрачном эфире. Я добираюсь до своей цели. Подо мной по скалам течет река с ледком по берегам из-за ночного морозца. На той стороне на склоне гор располагается деревня с белыми домиками, на самом верху в блеклой желтизне – замок. Все еще в тени, солнце не взошло. О моем приходе не предупредили, никто не идет вынимать письма. Люди спят. Я спешу по крутой дороге вниз к Мизе, перехожу мост, иду через луг по тропинке, которая за деревней ведет

¹ Фридрианское рококо – оригинальный художественный стиль, выработанный в искусстве в период правления короля Пруссии Фридриха II с 1740 по 1786 г. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*)

² Автор имеет в виду Альбрехта фон Валленштейна (1583–1634), чешского дворянина (но бывшего настоящим живодером по отношению к своему народу), ставшего имперским фельдмаршалом и генералиссимусом при Фердинанде II, императоре Священной Римской империи и короле Чехии; по подозрению в измене (тайные переговоры со шведами о заключении мира) Валленштейн был отстранен от командования, был издан указ о конфискации всех его имений. 25 февраля 1634 г. Валленштейн был убит заговорщиками из собственной охраны в крепости Эгер. Убийцы были щедро награждены императором, который приказал отслужить 3 тысячи панихид за упокой души своего генералиссимуса.

³ Миза – река Мже в современной Чехии.

вверх по горе к садовой изгороди. Арка железных ворот. Ворота еще заперты изнутри. Я звоню. Из дома раздается звучный, хорошо знакомый голос. Вижу, как ко мне приближается человек.

Неужели все это происходит не во сне? И я сразу проснусь?

22 апреля

Неделя была похожа на круговое движение по лесу, полям, двору и дому! В какой степени долгое отсутствие способно повлиять на быт человека? Мысли и действия стали совсем иными, и нелегко вновь принять на себя хозяйские хлопоты. Но затем происходит перемена. Я становлюсь прежним и вижу, что дела у оставшихся на родине людей во многих случаях обстоят хуже, чем «по ту сторону». Здесь судьба уже не кажется столь благодатной, как раньше, и лозунги далеки от реальности. Люди стали замыкаться на своих проблемах и опасаться друг друга.

1 мая

Прогулка по лесу со старшим лесничим. Холод сопровождается дождем со снегом и мелким градом. На возникшем перед глазами зимнем ландшафте – цветущие заросли ивняка. На крутом берегу реки между каменными глыбами посередине сплошной лесосеки возвышается лиственница, одиноко стоящее семенное дерево. Высоко над стройным, как свеча, стволом без сучьев ярко зеленеет крона, словно вспыхивая от внешнего света. Наверху, на гребне холмов, отсутствует древесная растительность, что стало следствием бури в прошлом ноябре. Ночью в течение нескольких часов она вырывала и выкорчевывала массивы старых елей и пихт. По тому, как упали стволы (часто друг на друга), можно догадаться о направлении урагана. Отвесно, во весь рост, стоят вывороченные с землей корни. Однако в освещенных солнцем местах уже появились трава, папоротник и цветки мать-и-мачехи.

Сквозь бурелом мы проникаем туда, где лежат уже обработанные и очищенные стволы.

Целый день мы были на ногах. Много раз старший лесничий останавливался и приходил в отчаяние, рассказывая о том, как охотились в давние времена, в тиши уже почти давно забытой эпохи австро-венгерской монархии. Но такая страсть – мысленно обращаться к прошлому – свидетельствует и о том, что сам лесничий постарел. Теперь он не так легко переводит дух и рассказывает истории, наверное, также для того, чтобы передохнуть.

15 мая

Стало сухо. Только сегодня моросит мелкий дождь. Для появления всходов ржи требуются тепло и влага. Побег пихт усеяны пурпурными цветками. Вскоре произойдет опыление, будет богатый семенами год.

23 мая

Отпуск закончился. После отъезда все происходило как всегда. Когда поезд делает поворот и знакомые деревня и замок исчезают из поля зрения, внутренний голос говорит: это было в последний раз. Но подсознание подсказывает, что страх напрасен. Поэтому и на этот раз я сохраняю уверенность, что еще вернусь.

Берлин, 26 мая

День был заполнен покупками и подготовкой к поездке. Путь лежит на восток – как в конце прошлого года. Лишь к вечеру я перевожу дух, и этому способствует уединенность в зоопарке. Подстриженный газон, лиственные деревья, под чьими широкими кронами повсюду цветут кустарники. Только у края темной, неподвижной водяной глади, над которой нависают железные мостики и которая, разделяясь на рукава, окружает остров, буйная растительность, сравнимая с тропиками. Азалии, алые и розовые. Между ними праздничные свечи рододендрона, красные, как пион. На газоне – тюльпаны, бледные, точно восковые, и нарциссы с золотистыми венчиками зеркально отражаются в воде. Чашечки тюльпанов выступают и в зарослях папоротников. Когда после светлого, яркого майского вечера наступают сумерки, чашечки закрываются, зеленые стебли блекнут. Еще какое-то время цветы как бы парят в зарослях папоротников, а затем угасают. Белые грозди черемухи свисают к воде. Ночью особенно остро чувствуется дурманящий запах.

29 мая, Лётцен⁴

Утром мы собираемся отправиться в путь из этого городка в Восточной Пруссии. Из моего маленького номера в небольшой гостинице открывается вид на городской парк. У берега озера между деревьями поблескивает дощатая перегородка бассейна. Я только что искупался в холодной воде. Широкое голубое озеро в Лётцене имеет форму круга. На далеком противоположном берегу низкие холмы с лугами, посевами и буковым лесом. Редкая зелень на фоне пихт и сосен. Пока еще нет буйной растительности после суровой и долгой зимы, едва распустились почки на ясенях, фруктовые деревья цветут только в том случае, если защищены шпалерами.

⁴ Лётцен – город в Восточной Пруссии, после Второй мировой войны отошедший к Польше и получивший в 1946 г. название Гжицко.

30 мая

Днем мой путь лежал мимо Варшавы, в Люблин. Унтер-офицер Флайсснер, который везет меня, по профессии учитель в сельской школе в Фогтланде⁵. В городах и населенных пунктах Восточной Пруссии, которые были разорены в 1914 г., строят много новых зданий. Простой, отвечающий духу времени стиль удачно сочетается со старыми постройками, с самобытной значимостью церквей и замков. По направлению к границе рейха земля становится бедной. На ковриках вереска торчат остроконечные конусы можжевельника.

На территории Польши начались работы по посадке нового леса на больших участках неплодородных земель или по превращению таких земель в плодово-ягодные питомники. К работе привлекаются колонны гражданских лиц.

Въезд в Варшаву через временный мост, который пересекает Вислу рядом со взорванной стальной конструкцией. Высокие здания громоздятся непосредственно рядом с монастырями, домами и дворцами в стиле барокко, которые составляют общий вид города, как писал нам Э.Т.А. Гофман⁶. Однако следы разрушений наблюдаются и в старых, и в новых постройках. В связи с трудностями в снабжении продуктами (голод на оккупированных немцами территориях. – *Ред.*) в разрушенных районах появились огороды. Сотни людей сидели на корточках на своих точно отмеренных грядках, никак неогороженных. Они рыхлят землю и сажают картофель, надеясь осенью собрать на песчаном грунте урожай.

Во время обеденного перерыва Флайсснер рассказывает о своей родине, деревне, расположенной на возвышенности в Фогтланде. Люди там бедные, безземельные крестьяне, владеющие одной или двумя головами скота. Сейчас вышивание на дому составляет источник дохода, как когда-то. На рубеже веков люди перешли от ручной вышивки на швейную машинку с механическим приводом. Затем в результате появления другого приспособления на раму механически переносился трафарет. Кто вовремя воспользовался подобными автоматами, живет сегодня в «квартале богачей».

Мы пересекаем Вислу, и поездка продолжается уже по плодородным землям. К вечеру, прежде чем мы добрались до Люблина, это была несколько пестрая холмистая местность, где луга и поля чередовались с лиственными лесами. Сельские дома выкрашены светлой краской. Улица здесь представляет собой затененную аллею из огромных берез, ив и тополей, каштанов и кленов. После скуки в первой половине дня веселая прогулка. Узкая немощеная дорога ответвляется к поместью, где располагается парк.

⁵ Фогтланд – гористая местность на востоке Германии (земли Бавария и Саксония), между горами Фихтельгебирге и Рудными горами.

⁶ Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) – немецкий писатель-романтик, юрист, композитор, дирижер, музыкальный критик, художник и карикатурист.

1 июня, Корец (населенный пункт между Ровно и Киевом)

Переночевал в Пожарном переулке, 6. По названию видно изменение, которое произошло с этим украинским городом за год, когда я впервые проезжал мимо него. Тогда пехота проходила мимо дымящихся руин. Сейчас зона боевых действий превратилась в административный округ, на месте подразделения появились службы по поддержанию порядка. На дорогах можно увидеть и местную, украинскую полицию (то есть так называемых «полицаяв»). Украинские полицейские «прославились» охотничьим азартом в истреблении евреев и парработников, а также поляков. – *Ред.*)

Несмотря на название моего переулочка, которое в изобилии предвещает воду, ее нет ни в доме, ни во дворе. После захода солнца мы спускаемся по крутой тропинке к речке и моемся в темной прохладной воде, которая медленно, еле заметно течет со стороны города.

На обратном скате холма несколько убогих изб. Вверх по реке почти бесшумно работает насосная станция. Некоторое время мы сидим на прибрежных камнях, вскоре опускается ночь, и на небе ярко светятся звезды. На другом берегу три девушки спускаются к реке и идут вниз по течению. Их не видно, но слышно, как они поют. Одна ведет мелодию голосом сопрано, две другие исполняют припев в минорной тональности. Поочередное пение повторяется во многих куплетах, пока не становится все тише и тише и совсем не исчезает. Это пение навевает грусть. Было ли оно только фоном, и отчего радовались эти люди?

Когда сегодня мы опять спустились к реке, склон был занят сотнями русских военнопленных, которые работают в каменном карьере. По облику своих храмов Люблин, который мы проезжали 30 мая, был последним городом западного, то есть римско-католического, христианства. Восточнее, на землях Украины, доминируют безмолвные, устремленные в небо купола церквей, увенчанных православными крестами.

Часто церкви находятся в стороне от населенного пункта, в уединенном месте, среди леса.

До Дубно все было еще ничего – холмы, ложбины в долине, буковый лес, как в альпийской зоне, – и это казалось хорошо знакомым. Между тем мы миновали восточную окраину распространения бука. Лишь дубы встречают нас дальше – в зоне континентального климата с суровой зимой (умеренно континентального с умеренными морозами. – *Ред.*). Обычно лесные массивы состоят также из берез и хвойных деревьев.

Мы оказались в местах первого большого танкового сражения, которое произошло прошлым летом, вскоре после начала кампании. Тогда Советы еще посылали в самое пекло в массовом порядке свои легкие – слишком легкие – танки. (Не только легкие. К контрудару привлекались силы 6 механизированных корпусов (22, 4, 15, 9, 19 и 8-го). Понесся большие потери уже на марше от ударов вражеской авиации и из-за изношенности матчасти, советские корпуса тем не менее до конца июня 1941 г. задержали немецкую 1-ю танковую группу на рубеже Ровно – Дубно, нанеся ей тяжелые потери. – *Ред.*) Они стояли еще и сейчас в полях и болотах там, где были уничтожены или застряли в трясине. Ржавчина проела зеленую защитную краску, стволы пушек наклонены или смотрят в воздух.

1 ИЮНЯ

Заброшенность, тишина бывшего района боя. Марьяковка – Барбаровка – Несолонь. Глинобитные хаты кучно, как грибы, рассеяны по равнине среди садов. Затем вновь густой смешанный лес, который пересекает узкоколейка.

В июле 1941 г. русские атаковали с севера дорогу, по которой осуществлялось снабжение наших танковых сил, прорвавшихся к Киеву, и продвигались по ней. Контратака полка «Хох унд Дойчмайстер»⁷, командовал которым полковник Айбль⁸ (с тех пор его не стало, он погиб). Он олицетворял собой офицера старой австрийской армии. Умный, бесстрашный. Он ехал на легковом автомобиле со своим разведзором впереди полка. Он был четок при анализе обстановки и в своих приказах, непринужден в поведении, полон доброты и юмора при общении с рядовыми и офицерами. Характеристика «старик», которой солдаты ласково наделяют своих командиров в этих условиях, безоговорочно воспринимается как «отец».

Повторный маневр на участок, где вчера происходили боевые действия, в результате чего осталась лишь пустота и все вымерло, вызывает своего рода уныние. Несуразное настроение! Однако никому не хотелось испытать произошедшее во второй раз.

О Киеве, который мы, к сожалению, проезжаем в большой спешке, только самое поверхностное представление. Здания, построенные в царский период в конце XIX века, в стиле ренессанс перегружены украшениями. Более привлекательны усадьбы из дерева с украшениями из пиленых полос, которые уложены на арках у входов в сад, окружают двери домов и обвивают фронтоны, карнизы и навес. Это советские монументальные здания. Между тем хаты – одноэтажные, с осыпающейся штукатуркой, с трухлявыми деревянными перекрытиями, гниющие, с обваливающимися дверьми – пребывают в запустении. Связана ли эта разруха с режимом? Характеризует ли это общий вид городов на Востоке? Мне не хочется принимать опрометчивых решений в пользу тех, кто говорит, что так было испокон века, и в то же время поддерживать мнение русского эмигранта, который сейчас, через 25 лет (в качестве переводчика вермахта), вновь видит свою родину и качает головой в связи с такой запущенностью в «когда-то таких чистых и красивых городах».

Город медленно уступами поднимается вверх от реки. Чуть дальше на главной улице находится белая стена, которая опоясывает ботанический сад. Центр города ужасно пострадал от взрывов. По высокому холму спускаемся к Днепру. Военный мост ведет через широкую реку. Вдали сосновые леса покрывают более низкий восточный берег, постепенно поднимающийся от широкой песчаной поймы. Обеденный перерыв на стволе поваленной березы, рядом с дорогой. Я прохожу чуть глубже в лес. Взлетает сизоворонка. Размахивая крыльями, как голубь, она исчезает в полумраке между деревьями. Остатки одной позиции русских, рассыпанные боеприпасы для минометов. Однако затем мне внезапно ударила в лицо волна приторного запаха гниения. Любознательность улетучилась, я возвратился к Флайсснеру.

Когда мы, сидя на стволе дерева рядом друг с другом, ели свою консервированную пищу, на дороге появился старик. Он обратил на себя внимание уже издалека. Он шел босиком, по виду сильный духом, богатырь, с седыми волосами и бородой. На его лице блестели большие голубые глаза. Он прошел широким быстрым шагом, не оборачиваясь. У этого крепкого старика ничего не было, его положение бедного человека не имело ничего общего с беспросветной нищетой массы людей, которые плелись мимо нас и, согнувшись,

⁷ Входил в состав 44-й пехотной дивизии вермахта под Сталинградом.

⁸ Айбль Карл (1891–1943), генерал-лейтенант; с 8 января 1942 г. в качестве командира 385-й пехотной дивизии сражался под Сталинградом; 20 января 1943 г. принял командование XXIV танковым корпусом и на следующий день погиб.

тащили свои тележки. Кто был этот незнакомец – прорицатель, нищий святой, старец, запутавшийся в потерянном мире нашего времени?

Ночлег в провинциальном городке Переяславе (Переяслав-Хмельницкий. – *Ред.*), в доме районного начальника. Длительная вечерняя беседа. Я был у него в гостях и сегодня на завтрак. Был богато сервированный стол, не было недостатка ни в чем, ни в свежем молоке, ни в масле, ни в яичнице-глазунье, ни в холодной мясной закуске (благодаря, как писалось выше, «беспросветной нищете массы людей». – *Ред.*).

Осуществлять контроль за 76 коллективными хозяйствами, вести хозяйство на площади в 160 тысяч гектаров! Решение подобной задачи было не по плечу ни одному из партийных бюрократов, привыкших работать по плану. В данном случае может успешно действовать только человек, обладавший опытом ведения собственного хозяйства, тот, который отвечает за принятие решений.

(В данном случае автор некомпетентен. 160 тысяч гектаров – обычная площадь угодий среднего района, и указанные мелкие колхозы (в 1970–1980-х они были раз в 10 крупнее) успешно руководились маленьким райкомом.) Тем более в данном случае выполнение плана поставок для германской армии (которая полностью кормилась за счет оккупированных территорий. Обеспечивалось это гестапо, зонд ер командами и полицией. пытки, виселицы и расстрелы были обычным делом, в котором по эффективности советские органы сильно уступали немецким. – *Ред.*) Только масштаб изменился, 1:100 000, полагает, улыбаясь, мой хозяин дома. Он родом из Северной Богемии⁹, где у него было имение и он занимался плодоводством. В настоящее время он на ногах от восхода и до заката, без автомобиля, он зависит только от верховой лошади и телеги (успешно погоня украинский крестьян. – *Ред.*). Прошлой осенью он должен был и обеспечить сев озимых, и, используя немногие оставшиеся приспособления, обмолот урожая. В целом удалось выполнить обе задачи. Сначала казалось, что отступающий противник захватил или уничтожил 200 тракторов. Но их лишь спрятали или привели в негодность, изъяв из них магнето. Вновь появились и магнето, многие из которых были сброшены в колодцы с журавлем. Отсутствовало топливо, которое повсеместно конфисковывалось в интересах армии. Оставалось делать ставку на 11 тысяч лошадей и 5 тысяч быков. Наступая и отступая, обе армии нанесли огромный ущерб поголовью скота. Кроме того, для своих лошадей, вопреки запрету, войска всегда конфискуют сено и фураж. Тем более что давно зима не была столь длинной и суровой, как в 1941–1942 гг., поэтому начало выгона скота на пастбища затянулось до мая. Я видел разобранные соломенные крыши. Они были отданы на корм животным¹⁰. Но тот скот, что уцелел, постепенно начал снова округляться из состояния почти скелетов. Потрепанная, часто совсем выпавшая шерсть вырастает вновь, шкура разглаживается. Поскольку война отодвинулась на восток, район отрезился от ее ненасытных запросов.

Осенью не оставалось ни времени, ни машин и рабочей силы, чтобы подготовить почву для сева. Почву дополнительно разрыхляли с использованием бороны и культиватора. Жалкое действие, и удалось засеять половину пригодной для сева земли. В настоящий момент еще не завершился весенний сев. Необходимо сначала посеять картофель, гречиху и просо. Мой хозяин дома сравнивает почти неразрешимые проблемы, стоявшие перед ним в ходе прошедших месяцев, с мучительно сданным экзаменационным заданием. Для него самого остается загадкой то, как он смог преодолеть все трудности. Без самоотверженной работы населения, которую он не может не оценить достаточно высоко (очень действенные стимулы – гестапо, виселица, смерть от голода. – *Ред.*), нельзя было бы преодолеть кризис.

⁹ Северная Богемия – то есть Северная Чехия.

¹⁰ В русских (великорусских, украинских, белорусских) деревнях и селах крестьяне сохраняли своих коров, пока это было возможно, и в качестве корма давали им соломенные крыши. С крыш снимали почерневшую от дыма солому, запаривали ее и кормили скот.

2 июня, Полтава

Сегодня утром, в Переяславе, мой хозяин дома говорил о выносливости, закалке местных людей.

Зимой, также при сильном морозе, он видел, как мужчины и женщины управляли поводами без рукавиц.

Что за порода людей населяет эту часть Украины? В ходе долгой и медленной однодневной поездки я видел, наверное, тысячу женщин и девушек, которые привлекались из своих деревень для ремонта грунтовой дороги. Непрекращающееся движение грузовиков, повозок имело следствием образование выбоин, которые должны были постоянно забрасываться грунтом, а пути выравниваться. Этим занимаются в основном женщины. Они забрасывают выбоины лопатами поодиночке и группами, чтобы в последнее мгновение отпрыгнуть в сторону от автомобиля. Или они стоят на обочине, отдыхая, опершись на лопаты, подмигивают и смеются, глядя на нас. Они страдают от облаков пыли, поднимаемых проходящими автомобилями. Видно много белокурых волос и светлых глаз, крепких скул и округлых щек. Это соединение блондинки со степным налетом является каким-то поразительным явлением. И всегда эти лица с цветущими румяными щеками светятся улыбками. Находясь посреди облаков пыли, они смеялись, как дети. Нам не удастся адекватно понять веселое настроение. Нас приводит в замешательство этот луч, исходящий из неистощимого источника силы и здоровья.

Все они носят одинаковую одежду. Белая льняная блузка облегает высокую, упругую грудь, юбка доходит до колен. Девушки ходят босиком по мягкому песку. Головы обмотаны платками белого, красного или лимонного цвета.

Что касается крестьянских повозок, которые встречаются нам, бросается в глаза то, что волы используются по двое в упряжке.

4 июня, Харьков

Я – в 6-й армии и тем самым достиг своей цели. Въезд через бывший центр города, относящийся к периоду царского времени. По обеим сторонам с севера на юг стоят представительные постройки, выполненные в простом, но при некоторой суровости богатом стиле Российской империи. В частности, это касается фасада с белыми колоннами бывшего аристократического дворца. Сумская, главная улица, поднимается на север, пока с достигнутого уровня высоты не открывается взгляд на просторный участок, площадь Дзержинского – самую большую площадь Европы, как утверждали Советы. Широкий манеж полукругом огибают гигантские постройки кубической архитектуры. От площади рационально расходятся улицы. Однако построенные высокие здания делают улицы похожими на туннели или ущелья. И сама площадь не дает избавления, возможности каких-то перспектив. Она похожит, скорее всего, на некий внутренний двор, который увеличен здесь до невероятных размеров. Кроме того, гигантские кубические конструкции здания Госпрома выглядят так, будто их построили не люди, а словно они порождены первичной породой, которая вырвалась на свет божий. Большею частью здания сгорели. Их три: Дом планирования, к которому примыкает Дом проектных организаций, который, в свою очередь, переходит в здание Дома кооперации самой маленькой постройки. Народная молва поняла абсурдность этой градации, в которой также указывалось то, в какой последовательности строились здания. Вначале шло планирование, которое было самым могущественным, в последнюю очередь и неприметно – сельское хозяйство, первичный элемент в Украине!

С каждым километром, чем ближе мы подъезжали к Харькову, людей по обеим сторонам дороги становилось больше. Это крупный город, из которого людские массы, не желая голодать, двигаются в сельскую местность и обратно. Вместо отсутствующих выючных животных люди сами тащат ляжки переполненных, перегруженных тележек. Широкий анализ положения вокруг Харькова дает объяснение нищеты, которая выгоняла голодающих людей с насиженных мест. Хозяйственные чиновники оккупационной администрации могли обеспечить питанием работающее население. Однако работала лишь небольшая часть жителей, так как при отступлении оборудование важных отраслей было вывезено и работа местных заводов была парализована (как видим, автор винит в голоде власти СССР, которые вывезли оборудование, чтобы продолжить сопротивление агрессору. – *Ред.*). Десятки тысяч людей колоннами движутся в деревню. Неужели это еще живые люди, эти склоняющиеся друг над другом фигуры, которые спят в обеденный зной рядом со своими тележками, на которых уложены тюки с домашним скарбом? По крайней мере, эти люди пережили зиму. Ибо население отправлялось в путь и при сильном морозе, и по заснеженным дорогам. Они бродят целыми днями, чтобы в какой-нибудь отдаленной деревне сбыть с рук свое имущество и обменять содержимое мешков на продукты питания. Какая выносливость в ослабленных телах! И каким образом так неповторимо в людях соединяются жизненная энергия и фатализм!

5 июня

Полночь, жаркая, безлунная ночь. По мрачному городу раздается шум в связи с выдвиганием войск. Звуки моторов автомобилей тыловых подразделений, стук копыт лошадей по асфальту, и теперь, вот уже скоро час, как безостановочно гудят и грохочут танки, от которых дрожат стены. Это все происходит на улице Сумской к северу на выходе из города. Утром я поеду в том же направлении. Моя задача – предоставить отчет о боевых действиях пехоты.

Сегодня во второй половине дня местный балет танцует в оперном театре, переполненном солдатами. В течение зимы армия вновь способствовала воссозданию коллективов харьковских оперы и балета. Для этого не потребовалось выделения гонораров, разрешение командования вермахта на продовольственное снабжение стало для уцелевших артистов спасением в период голодной нужды. Сегодня исполнялось «Лебединое озеро», романтический балет на музыку Чайковского.

Когда люди этой страны начинают петь и танцевать, то это словно пробуждение от глубокого оцепенения. Они охвачены ритмами, с лиц исчезают маски. Они похожи на ночных бабочек, которые только что беззаботно и неприметно спали. Им полностью удастся осуществить превращение в нечто танцевальное, что часто с трудом могут сделать западные танцоры. Тут теряется собственное «я». Все стало свободным, и невесомо парящее движение танцоров помогает зрителю отрешиться от всех своих забот.

Во всех танцовщиках, очень молодых, отражается все тот же тип, хотя и утонченный, который олицетворяет собой крестьянских девушек, идущих вдоль военной дороги. Он напоминает о греческом начале, Античности (даже Гитлер, посещая эти края, восхищался «истинно арийским типом» населения Восточной Украины. – *Ред.*). Вот идет полногрудая женщина, которой позавидуют кариатиды¹¹. У нее сильные икроножные мышцы, и в то же время ничего неуклюжего, тяжеловесного в ее фигуре нет, только скрытая грация. Такие образы пробуждают в нас давнее чувство, когда в красоте боготворят холодность, а в суровости ощущают совершенство.

¹¹ Кариатида (греч.) – скульптурное изображение стоящей женской фигуры, которое служит опорой балки в здании (или образно выражает эту функцию).

8 июня, пребывание в населенном пункте

На этой восточной долготе смеркается на несколько часов раньше, чем дома. При пользовании среднеевропейским временем, которое мы, немцы, несем на Восток в качестве строгой меры единиц, мы всякий раз теряли счет времени, которое, как известно, зависит от движения Солнца.

Мой автомобиль трудно увидеть с самолета, ибо он защищен ветвями деревьев, за деревенской школой. Через стекла ничего не видно из-за дождя, ибо дороги превратились в трясину, черную трассу, они скользкие, как мыло. Выдвижение войск застопорилось. Двигутся лишь черные тягачи 210-мм минометов. Наступление повторно перенесли на сутки. Это начало крупного весеннего наступления, которое должно перенести боевые действия дальше на восток.

Как тяжело описывать эту страну, чтобы тебя правильно поняли. Определения «холм», «лощина», «низина ручья» вызывают в памяти обычные, знакомые нам образы. Здесь то же самое, но масштаб другой, неровности местности низкие, широкие, они растянуты по безграничному горизонту, в котором исчезает пространство и остаются пустоты – «океаны печали».

Ощущение пустоты усиливается уже вблизи обочин дорог, где не возделывается земля. Не зеленеют ржаные и пшеничные поля. Время от времени обрабатываются лишь узкие полосы, где колхозники обрабатывает землю как собственность. Впрочем, высокие, сильно разрастающиеся сорняки быстро покрывали склоны и лощины.

Наконец, вечером улучшается погода. Если утром будет ясный день, то послезавтра должно начаться наступление.

9 июня

Солнце и ветер подсушили чернозем. Почва стала вязкой и блестит, как серебро. Сегодня на южных склонах начала подниматься пыль.

Со склона, где проходит фронт, можно обнаружить через бинокль позиции минометов и стрелковые окопы противника, вырытые на восточном берегу небольшой речки Муром. Никакой огневой активности. Противник не заявляет о себе. Однако выдвижение наших войск не могло пройти для него незамеченным. Колонны продвигаются вперед на открытой местности. Пояс дубового леса представляет собой укрытие, по крайней мере, для артиллерии.

На прошлогоднем картофельном поле, заросшем сорняками, дети собирают картофелины, которые распадаются в руках. Рядом растут подсолнухи, они взошли из посаженных в прошлом году семян. Стерня злаков покрывается густым слоем сорняков, будто она засеяна. Затем снова рапс и горчица. Высокие, желтые цветки, от которых волнами исходит аромат меда.

При стремительно наступающих сумерках возвращаюсь обратно на позицию, где в узкой лощине располагается командный пункт батальона. Ночь. По дороге поехали походные кухни. Разносчики продовольствия встречают кухни и разносят горячую пищу дальше – в окопы.

10 июня

Обед, вот уже 8 часов мы находимся на линии фронта, на восточной опушке соснового леса, в направлении Северского Донца.

На линии фронта у нас нет связи ни с тылом, ни с соседями по обеим сторонам. В нескольких сотнях шагов за нами широкая просека разрезает лес. Вдруг один русский танк, а затем второй простреливают просеку из пулеметов и открывают огонь по всему, что шевелится. Поэтому ни у кого нет возможности отойти. Тем не менее мы стараемся воспринимать обстановку как нормальную. Она принималась в расчет при отдаче приказа о наступлении, который предусматривал прорыв без учета на фланговое прикрытие.

Ранним утром полк начал наступление через реку Муром – саперы навели в течение ночи переправу – и захватил вверх по склону противоположного берега позиции противника, который оказал лишь незначительное сопротивление. Ужасный по мощи удар артиллерии и воздушные налеты сломали ему хребет. Многие русские сдавались в плен, другие лежали мертвыми в окопах, лишь немногие сумели отойти через открытую местность на гребнях высот.

Я следовал по пятам головной роты. В течение трех часов я двигался форсированным маршем вперед на восток, вверх и вниз по холмам, через балки и овраги, минуя изгороди, между лесными массивами. Только однажды мы были вынуждены открыть огонь из пулемета справа от нас, впрочем, памятуя о строгом приказе, мы не ввязывались в бой с противником сбоку, даже если бы пули свистели из засады в дубовом лесу. Нам повезло, что мы не встретили сопротивления. Несколько смелых снайперов заставили бы нас остановиться в труднопроходимой лесистой местности.

То здесь, то там русские выходили к нам с поднятыми руками. И куда с ними? Недолго думая мы берем их с собой. Все тяжести, от которых изнемогали наши солдаты, быстро переместились на плечи пленных. Носильщики ящиков с боеприпасами, опорными плитами минометов менялись местами, обливаясь потом.

Через три часа, пройдя оставшиеся до Северского Донца 15 километров, мы стояли перед мостом. В последнюю минуту противник установил заряд, но взорвать не успел. Мы пришли слишком быстро.

В течение часа мы создавали плацдарм на другой стороне реки. Перед нами раскинулась широкая, полого поднимающаяся равнина. Вдали – колонны транспорта в клубах пыли.

Примерно в 300 метрах от нас, параллельно опушке леса, течет ручей. У берега растут безвершинные ивы. Вдоль ручья идет пожилой мужчина в гражданской одежде. По движущейся цели начинается общая беспрестанная стрельба. Что же в этом удивительного, если в стране наряду с солдатами войну ведут партизаны? Тем не менее меня озлобляет, даже ожесточает решимость, с которой продолжает тяжело шагать этот человек. Хотелось крикнуть ему, чтобы он упал на землю. Но он продолжает идти, словно непробиваемый. Похоже, теперь пули свистят слишком близко от него. Или же в него попали? Он оказывается на земле, но лишь на долю секунды. Вот он уже снова на ногах и продолжает свое убийственное движение. Вновь разгорается стрельба. Что это – загадка крестьянской души, которая не желает осознавать опасности? Или же он не дорожит своей жизнью? Неужели ему не хочется домой, к своим? Он ранен? Однако нашим он надоел, огонь смолк. Через 20 минут пожилой крестьянин встанет и, выпрямившись, продолжит свой путь, но он уже никого не волнует. Пусть война останется для тебя милостивой, старик, которого хранила невидимая рука Бога!

11 июня

Вчера к вечеру штурмовые орудия помогли нам выйти из окружения, в результате стрельбы из них был подожжен один русский танк, а другие – спешно ретировались. Я старался попасть в полк. Меня подобрала транспортная машина. Однако нам удалось с трудом, медленно тронуться с места, пробираясь сквозь поток транспорта, который двигался с запада на восток, к ведущим бои войскам. Сегодня утром рота помешала разрушению узкого моста, который является единственным местом переправы через Северский Донец. Тут скапливаются машины, их удерживают только белые ленты, посредством которых саперы огораживали трассу в связи с наличием минных полей. Идет сильный ливень, превращая дорогу в болото. Наконец часовому удастся освободить для нас проезд, и мы переправляемся через реку. Тут воздух сотрясают два последовательных взрыва, а затем вверх поднимаются два столба черного дыма. В неразберихе повозка тылового подразделения сошла с трассы, переехав белые ленты, и подорвалась на mine. Одну лошадь разорвало пополам, другая – упала на землю вся в крови. В дорожной грязи лежат разорванные кишки. С горящей повозки огонь переходит на автомобиль для перевозки боеприпасов, рвутся ручные гранаты, будто происходит бой. По земле вовсю барабанит дождь, и тем не менее ему не удается потушить огонь, который все сильнее поднимается из баков с бензином. Теперь воспламеняются дымовые сигнальные гранаты, и над заревом пожара образуется блестящий многоцветный ореол – фиолетовый, оранжевый, ядовито-зеленый. С запада ярко светит солнце, однако на востоке перед стеной удаляющейся грозы раскинулась радуга.

Штаб полка я обнаружил в палатках, которые расположились среди того, что осталось от сожженной деревни, которую еще сегодня утром мы застали целой и невредимой. Бои в нашем тылу разгорелись позднее.

Я доложил командиру полка о головном батальоне, судьба которого вызывала у меня большое беспокойство. Потом устроился в одной из палаток и вскоре заснул. Однако уже в два часа мы покинули лагерь.

Штаб выдвинулся вперед. Я остался, чтобы иметь возможность в тишине посвятить себя делу. Флайсснеру удалось в течение ночи добраться на машине до места, совершив большой объезд. Рассветало, и солнце начало высушивать влагу, я еще раз приготовил соломенный настил на месте оставленной палатки и заснул под открытым небом. Флайсснер достал крепкий кофе, который я выпил перед совершением марша. Теперь мы завтракаем под солнцем, сидя на канистрах. Напротив нас поднимается крутой склон, заросший молодым дубовым лесом. Слева сгоревшая дотла, вымершая деревня, среди пепелища бродят, мяукая, кошки.

12 июня

Атака пехоты организуется в направлении на юго-восток, в тыл противника. Оказывается, что с юга прорвались немецкие танковые части и намереваются выступить нам навстречу.

Я сопровождаю командира дивизии на линию фронта. Мы обошли городок Белый Колодезь, где отступающий противник взорвал запасы боеприпасов. Мы застали на отдыхе передовые подразделения нашей наступающей пехоты у реки на скате железнодорожной насыпи, которую они только что перешли. Штурмовые орудия тоже находились по ту сторону железной дороги, и их стволы были наведены фронтом на восток на широкую равнину, где не было видно противника. Дорога сюда шла из далекой дубравы, и никто не обращал внимания на свистевшие пули (выпущенные, как стало понятно позже, оттуда).

Генерал присел на рельсы, по левую руку от майора С., который сопровождал его. На швабском диалекте началась открытая беседа с пехотинцами. Раздались шутки и смех, и вновь никого не беспокоило то, что все сильнее и ближе свистели около нас пули, а мы по-прежнему сидели на рельсах. Тут внезапно вздрогнул С. и скатился, съежившись, под откос. Ему расстегнули ворот мундира, но его глаза остались закрытыми, он хрипел, шевелил полуоткрытыми губами. Сознание к нему не возвращалось. Генерал испытующе приподнял его закрытые веки. Вскоре на место прибыл врач, но ему оставалось только констатировать смерть. Войдя с тыльной стороны туловища, пуля пробила сердце и легкое.

Хотя мы почти мгновенно спустились под откос, слепое огнестрельное ранение в левое плечо получил и водитель генерала. Убитого загружают в повозку. Генерал отдает приказ об атаке леска у дороги, занятого снайперами, а затем колонна повозок отбывает с рокового места. Оглядываясь назад, я наблюдаю, как пехотинцы спешно разворачиваются в боевой порядок, но два русских снайпера уходят вдоль дороги на север.

Кое-кто захотел увидеть во внезапной смерти, которая настигла майора, нечто закономерное, другие посчитали, что она поразила только тело, как у пораженной дичи, но не душу. Об этом вечером идут разговоры. Генерал продолжает молчать. Наверняка он винит себя в смерти своего сослуживца, которого он напрасно подставил под пули снайперов.

Снова в полку, в населенном пункте Р., 10 часов вечера. Раненый, которому удастся бежать, докладывает, что в нескольких километрах отсюда в соседней деревне противник блокировал подразделения полкового обоза, которые имеют недостаточное вооружение и ведут оборону. Под руководством своего адъютанта командир формирует из добровольцев разведдозор, который вскоре исчезает на автомобиле в ночи, чтобы деблокировать товарищей, которым угрожает опасность. Однако следует обратиться и к дивизии с просьбой о поддержке, которая должна прикрыть наш фланг силами батальона соседнего полка. В связи с тем, что нарушена связь по телефонным проводам, я беру на себя передачу донесения.

Несколько раз мы вязнем в грязи дороги во тьме безлунной ночи, сильно затянутой облаками, но в полночь мы добираемся до Белого Колодезя, где в здании кинотеатра располагается выдвинутый вперед командный пункт дивизии. При этом необходимо оборудовать зрительный зал кинотеатра и на первом этаже здания – полевой госпиталь. Я встречаю генерала в сопровождении лишь молодого офицера-ординарца на первом этаже, где в кабинете, в котором нет стульев, он склонился над картой. В связи с тем, что связь по телефонным проводам нарушена, генерал отдавал распоряжения своим подчиненным частям через посыльных. Однако ночь небезопасна из-за действий русских танков. Я излагаю донесение из полка. Ответ генерала: «Передайте, что надо выстоять в эту ночь. На флангах и в тылу находятся группы противника. Тут ничего не поделаешь. Солдаты полка должны удерживать занятый рубеж и рассчитывать на самих себя. Сейчас я не могу заниматься обозами».

Если Флайсснер в это время не торопясь возвращался, чтобы завершить ремонт сломанной в выбоине оси, то я размышлял о кажущихся противоречиях в образе мышления. В войсках на передовой – решимость без промедления освободить товарищей, оказавшихся в опасности. В поведении командования – нечто, кажущееся безразличием. На самом деле это ответственность за общее дело, которая не допускает распыления сил и средств. Возможно, есть ситуации, в которых быстрое решение необходимо. Напротив, в это ночное время, наполненное тревожными слухами, когда обрываются линии связи, необходимо ориентироваться на однажды изданный приказ. В данном случае командир должен быть не эффективной силой, а твердой скалой.

В полку царит радость, разведдозор добивается успеха, обозы находятся на подходе.

За два прошедших дня наступление разбилося на бои местного значения, где можно не увидеть единства большой операции. В настоящее время: открывается панорама гряды высот, далее местность понижается на восток к широкой ложине с речкой, а затем поднимается по ту сторону лоцины, где артиллерия русских занимает свои позиции. Деревьев и кустарников почти нет. Атака батальонов, рот и взводов может развиваться, как на учебном полигоне, волнами. Так было в ходе прошлых войн. Современная война превратилась тут в войну танков, самолетов и другой техники. Однако во многих случаях наступление ведется силами и средствами пехоты.

Я направился в расположение 3-го батальона, который, получив недавно свежее пополнение, прибыл в последние дни и сейчас получил свое боевое крещение. В его рядах находится много «стариков», участников Первой мировой войны, во главе с командиром майором Р. Его выучка помогла подразделению в переломный момент в ходе первых боев.

Кто бросается на землю перед разрывом осколочного снаряда, который летит со свистом, кто остается в окопе или воронке от разрыва и – выжидает. Приказа, ободрения здесь недостаточно, солдат всколыхнет только пример. Р. идет прямо через огонь, где также вблизи разрываются снаряды. Видеть, как он идет в такой ситуации, – нечто ужасное. Однако затем каждый солдат чувствует, что его хватает невидимая рука и силой поднимает с земли, на которой он лежал, скорчившись.

13 июня

Восстановлена связь с танкистами. Однако пехоте оставалось с боями после совершения марша замкнуть кольцо. В связи с дождем боевые машины остановились.

Утром мы начинаем движение в направлении места соединения наступающих с севера и юга группировок. Наступаем, занимая территорию. На огромных полях колхоза цветет рожь. На более или менее высохшей дороге мы идем на восток по холмам, угольям, через небольшие лесочки. На этом участке местности противника уже нет, наши тоже еще не подошли, в общем, территория безлюдна. С полей убирался урожай, поля эти тянутся на много километров. Сейчас мы приближаемся к поселку. По крутому серпантину дорога спускается в овраг, в кустарниках петляет ручей. Вдруг резкий хлопок, второй, третий. В воде какое-то время бьются две большие белые птицы. В мутной воде ручья появляются красные пятна, затем по течению плывет мертвый гусь. С другой стороны идет солдат в черной униформе. Он спускается по глинистому склону. Тут среди деревьев я вижу также большой танк песочного цвета. (Видимо, предназначался для переброски в Северную Африку к Роммелю, но оказался здесь. – *Ред.*)

Мы громко смеемся, Флайсснер и я. Затем мы едем вниз, а на другой стороне поднимаемся к людям в черной униформе. Однако танкисты, рыцари современной войны, вряд ли слушают нас. Гусь (принадлежащий, естественно, кому-то из жителей селения. – *Ред.*) является для них всем, и в принципе они правы.

14 июня

Моя задача выполнена, я возвращаюсь. Если говорить о различных частях, которые я сопровождал в последние дни, всякий раз наблюдается долгий и сердечный процесс расставания.

Поездка в дивизию и корпус. Там я слышу, что противнику, которому помогли погода и замедление нашего движения, удалось избежать окружения главных сил. Большое недовольство командования, не скупятся на замечания в отношении танков, «которые вязнут в любой грязи».

Июнь, Харьков (письмо)

«И с крыши высокого партийного здания Харьков не предстает как состоящий из нескольких частей, четко выраженный город. Если ты полагаешь, что городская застройка исчезает на горизонте, дальше располагаются заводы с поселками при них. Однако для тебя город – это прежде всего большие дома, стоящие по отдельности или сосредоточенные в кварталах.

Люди? Не хватает массы взрослого мужского населения (мужчины в армии). Поэтому на улицах больше женщин. На тебя идет толпа женщин, открыто, с сияющими глазами, но человек, не знающий язык, не понимает их звонких разговоров. К нему это не относится. Но смех, взгляды?

В подъезде лежит старая женщина и протягивает тебе руку. Скелет, который вряд ли имеет силы, чтобы бормотать. Солдат дает ей буханку черного хлеба, за которую ему хотелось приобрести на рынке примус или какой-либо красивый предмет местной ручной вышивки.

Вот группа людей. Они стоят у входа в хлебный магазин, где пахнет гнилью и сыростью, бедные люди, испытывающие нужду. Однако за ближайшим углом снова раздается громкий смех группы женщин в пестрых платках, они пышут здоровьем и покачивают бедрами.

Сильно сократилось население города, из 800 тысяч жителей (по переписи 1939 г. в Харькове было 833,4 тысячи жителей. – *Ред.*) многие, гонимые голодом, в течение нескольких месяцев переселились в сельскую местность. Или все же появились признаки возрождения?

Поразительно легко нашим властям удалось ознакомиться со статистическими данными, которые здесь основа для решения всех проблем. «Понимание» людей и их отношений, необходимость докладывать о самих себе, специальности, имуществе, давать информацию о работе и питании, связывать свое собственное существование с наличием паспорта – все это входило в кровь и плоть граждан Советской страны. И в этом они достигли совершенства, в чем они превосходят нас, немцев¹². Городская администрация и ее органы были хорошо подготовлены для этой работы упорядочения и классификации, для статистики. Тяжелее вернуть к жизни инициативу отдельного человека. Часто люди наказывались за какие-либо инициативы, в которых новая германская власть усматривала саботаж. Или кое-что похуже.

¹² В 1952 г., когда вышла эта книга, данное замечание устарело, так как и в западном мире стала господствовать статистика, свободу победили величины и цифры.

Снабжение водой и светом, экономический план являются стержнем возрождения производства в этом промышленном городе. Продуктовые карточки вынуждают рабочих идти на завод.

Положение с продовольствием: с 550 тысяч гектаров сельскохозяйственных земельных площадей Харьковской области до сегодняшнего дня еще ни разу не собиралась даже половина урожая. При этом войска на фронте также хотят использовать для снабжения местные ресурсы! Ситуация может улучшиться, если осенью будут обработаны все пригодные для посевов земли.

При обработке земли люди используют свои силы и неистощимую энергию. Где отсутствовали не только тракторы, но и тягловые животные, там крестьяне впрягались в плуг сами – до восьми человек, – чтобы тащить его по тяжелой черной земле. Военная администрация предпринимала меры по борьбе с голодом. Так, муниципальные власти Харькова получили полномочия для предоставления каждой семье участка из пахотных земель, расположенных вокруг города. С этой целью городская администрация брала в собственность часть угодий в районе. Эффективность мер уже отразилась на ситуации в сельском хозяйстве. Харьков опоясывает череда очень мелких участков полей и огородов. Был допущен свободный рынок, он является вспомогательным средством, чтобы без продовольственных карточек прокормить жителей, влачивших жалкое существование. Валютой, критерием всей оценки на рынке Харькова является хлеб. По колебаниям его все еще страшно высокого курса можно ежедневно делать выводы о состоянии снабжения.

Какое спокойствие, какое кажущееся равнодушие господствует при совершении бартерных сделок, которые происходят в рыночных палатках или прямо на улице! Толпа медленно протискивается к лицам, предлагающим товары, которые они раскладывают на земле. Никаких ссор, почти нет споров о цене или следов того, что европеец представляет под понятием «восточный базар». Спрашивающий человек узнает цену (меновую стоимость), размышляет, дает что-то, берет товар и идет своей дорогой. Сегодняшнее бедственное положение вызвано войной. Однако нищета не является незнакомым явлением в этой стране. Она отмечается на невозмутимых лицах, однако по глазам видно, что нищета здесь страшная, всякий раз возвращающаяся старая знакомая (что подтвердили не только послевоенные 1940-е, но и особенно страшные для востока Украины 1990-е гг. – *Ред.*).

Крупные промышленные предприятия находятся на восточной окраине города. Паровозостроительный завод, турбинный, электротехнический и тракторный (а также танковый. – *Ред.*) заводы. Они притягивали многие тысячи рабочих из деревни в город. Эта миграция произошла в годы принудительной коллективизации в сельском хозяйстве и большого голода в 1932 г. (Точнее – в 1932 и 1933 гг. – *Ред.*) Уничтожение кулаков (свободного крестьянства) – строительство колхозов – голод – получение рабочей силы из деревни для индустриализации. В этом заключалось внутреннее упорство, которое давало понять, что этот процесс – нечто желаемое, предусмотренное планом. Был получен промышленный пролетариат, однако на селе «деревенская беднота» стала слоем, преобладавшим в колхозах и совхозах.

Не получало развития строительство жилья для нового рабочего персонала. Лишь немногим удавалось найти приют в новых жилых кварталах, построенных из камня и кирпича, остальные ютились в простых деревянных бараках. Между этими двумя типами жилья рабочих стоит поселение основательных одноэтажных индивидуальных кирпичных домов. Они построены еще во времена Ленина и его новой экономической политики. После его смерти этот «мелкобуржуазный» тип строительства был объявлен вне закона, а собственные дома рабочих стали делом прошлого¹³.

¹³ У автора отсутствует информация о том, осуществлялось ли с того времени строительство индивидуальных домов.

В центре города я мог осмотреть несколько домов, похожих на замки, которые являются проявлением общественной формы строительства, разрешенной государством. Однако и тут с самого начала не получила своего развития социальная программа. Семьи все еще ютятся в одной из комнат многокомнатной квартиры, а не в отдельной квартире. Об этом без слов свидетельствуют висячие замки, установленные на дверях комнат. Жилплощадь одной семьи остается ограниченной чаще всего 13 м², размером хорошего санузла, или даже только 9 м².

Строительство заводов, созданных словно по мановению волшебной палочки, также являлось впечатляющим, как и кривая роста их продукции. Но все – продукция, наука, технология, статистика – подпадало под закон о строгой секретности, в других странах это касается только военной сферы. Эта тайна охватывала каждый завод, каждое научно-исследовательское учреждение. Кто хотел пройти мимо ворот электротехнического предприятия, тот должен был перейти на другую сторону дороги. Вахтер следил за тем, чтобы никто не останавливался. Студенты Харькова могли, однако, проходить здесь производственную практику.

Как же получается, что города на Востоке находятся в таком отчаянном состоянии упадка? Такой вопрос возник, когда мы двигались по пути домой из новых промышленных кварталов, проезжая через удачную по планировке, однако запущенную старую часть города. Режим, как рассказывал мне мой местный попутчик, преследовал цель экспроприации всей частной собственности домовладельцев. Однако органы государственной власти не были заинтересованы и не обладали средствами, чтобы содержать в исправном состоянии здания, когда государство становилось их владельцем. Все силы были направлены на строительство новых производственных центров и рабочих поселков или кварталов. Тогда частным владельцам стали возвращаться и передаваться здания в старых кварталах города. Говорят, что в одном Харькове находилось 30 тысяч таких домов. Однако при низкой квартплате собственники облагались непомерными налогами. В результате этого с 1917 г. практически прекратился текущий ремонт домов. В свое время Харьков был чистым, современным городом, на его улицах люди ходили в нарядной одежде. Многие пожилые люди уверяют, что так было на самом деле».

В этом не было бы ничего удивительного. Неистребимой чертой людей является их потребность проживания с семьей в отдельных домах. Было бы логичным, если в Советском государстве, в котором защищались и поощрялись брак, семья и многодетность, также были бы объявлены нормой односемейные дома.

26 июня

Шевченко, великий украинский поэт, скончавшийся в 1861 г., которому революция возвела памятник и чествовала как передового борца за социальное освобождение. Другая сторона его творчества – освобождение Украины от зависимости и господства Москвы – умалчивается. Статуя с выпуклым лбом, напоминающим о Верлене¹⁴, и взглядом, обращенным в раздумье в себя, возвышается на высоком темном постаменте в форме призмы. В самом низу, повернувшись на улицу и олицетворяя горе страсти, печалится покинутая прислуга, чахнувший старец. Если обходить монумент в обратном направлении – при этом бросается в глаза бородатый ветеран, – ты снова оказываешься у фасада: вид на победителей Октябрьской революции – матросов, рабочих – и крестьянскую девушку. К тому же эта девушка олицетворяет мужественный образ свободы, в отличие от своей крепостной предшественницы.

Отдельные фигуры едва ли превосходят в художественном отношении работы в академической мастерской. Однако этот монумент все-таки привлекает к себе тем, что это энтузиазм единого целого, демонстрируя силу Октябрьской революции.

Посещение музея изобразительных искусств. Как сообщает нам ведущий куратор, Советы изъяли 300 лучших картин, среди которых многие – старой школы. Остались картины последних 60 лет, написанные исключительно в манере западных мастеров. Портреты гордых, полных сил богатых женщин. Ценность музея кроется не столько в картинах художников западной школы, сколько в произведениях народного творчества. Ручная вышивка, гобелены.

Нас сопровождает темноглазая худая пожилая дама, говорящая без акцента. Черные как смоль волосы расчесаны на прямой пробор и аккуратно уложены. От нее исходит запах нежных духов, напоминающих старые времена, аромат мяты.

Эта умная, образованная женщина принадлежала к уцелевшим представителям старой буржуазии, которая в основной своей массе терпела режим, как это считается за границей. Госпожа И. работает в администрации музея. Вежливо и тактично она уклоняется от ответов на политические вопросы сопровождающего меня господина.

Сегодня, в последний вечер в Харькове, я шел от памятника Шевченко через городской парк в направлении зоологического сада. На скамейке парка – непривычная картина для города, где нет мужчин, – влюбленная пара. Я иду в обратном направлении. Они сидят на пригорке, он наклонил к ней голову. Его правая рука свободно лежит на плече девушки. Они молча смотрят через склон в даль бесконечной страны.

На главной дороге парка большое карнавальное гулянье. Солдаты, группы молодых девушек. Девушки толпятся вокруг трех местных парней, играющих на балалайках, и поют народные песни, демонстрируя удивительное природное дарование исполнения песни на четыре голоса! А какие голоса – от органного звучания баса до мелодии сопрано, звучащей то сильно, то мягко: все исполняется чисто, без отклонений. Вокруг собрались солдаты, их аплодисменты усиливают удовольствие от пения.

С внешней стороны к площади Дзержинского примыкает зоопарк, он растянулся вниз по крутому склону. Осталась лишь мизерная часть животных – удивительно, как они перенесли зиму и голод. Два белых медведя, уморенные, с осунувшимися боками. Высохший бетонный бассейн, в котором могут резвиться тюлени и пингвины. Привычное оживление царит только в обезьяньих клетках. А в основном вольеры пусты, только оставшийся запах от прежних обитателей гуляет, как привидение, вокруг их жилищ и лежбищ. Из птиц, которые довольствуются зерном, остались отдельные особи. В тени дуба вдоль решетки ходят

¹⁴ Верлен Поль Мари (1844–1896) – французский поэт, один из основоположников символизма и декаданса.

павлин и золотой фазан в роскошном оперении. Павлин становится в позу. Королевская лазурь его шеи отликает зеленым цветом. Над его головой венец из перьев. Затем он демонстрирует великолепие хвоста. Мгновение тишины...

Война вызывает в душе усиливающуюся тоску.

28 июня

Сегодня я покинул Харьков и в связи с донесением из танкового корпуса отправился к Северскому Донцу. К обеду я добрался до командного пункта дивизии, которая разбила свои палатки в густом дубовом лесу. До этого нас застиг сильный ливень. Съехав с выпуклого профиля дороги, который мгновенно стал скользким, как каток, по обеим сторонам ползли в кювете автомобили всех видов. Тут помогали только цепи противоскольжения, которые у нас, кажется, назывались цепями против дождя. Так мы вновь продолжали движение.

Танки будут атаковать на участке прорыва в ходе нового наступления.

Когда вошла луна, мы возвратились для ночевки в деревню, где остановились. Ясное, вновь тревожное вечернее небо. На его окраинах в дымке прекращается гроза, в результате чего бесшумно сверкает зарница. Сумерки переходят в прекрасную полнолунную ночь.

29 июня

Целью воздушных налетов противника являются дубовые леса в долине реки Волчья. Он учел, что развертывание моторизованных частей на огневые позиции осуществлялось в этих лесных массивах. Это происходило ночью и в нашем селении Вертячий. Были хорошо завешаны окна домов, стекла автомобилей, чтобы в них не отражалась луна, однако светлых стен хат было достаточно, чтобы населенный пункт бросался в глаза. Налеты продолжались до утра. Приближаются легкие бомбардировщики, от которых исходит легкий неловкий звук, похожий на движение двухтактных, проезжающих вдаль мотоциклов. Затем звук обрывается, самолет начинает бесшумно планировать. Летит бомба.

Это произошло в середине ночи. В моей комнате, за закрытыми окнами, снабженными дополнительными шторами в связи со светомаскировкой, нельзя не отметить то, что шум двигателей самолетов не слышен. Но потом, когда «дикие утки» (легкие ночные бомбардировщики У-2 (По-2)). Такой самолет брал на борт до 350 кг бомб. Скорость – 130 км/ч. За годы войны было построено около 12 тысяч таких самолетов. Часто их пилотировали женщины. – *Ред.*) пролетели низко над головой, послышался приближающийся свист, который быстро нарастал. В момент попадания бомбы взрыв сотрясает дом. Однако только утром я узнал, что точка разрыва находилась рядом. 7 человек убито, 15 – ранено.

Ночью я находился в хате один, ибо уже с заходом солнца жители незаметно исчезли. Они спокойно вернулись лишь с утренней зарей и легли спать всей семьей на печке. Ночь они провели в бомбоубежище в саду. Старик, которого они называют дедушка, спит чуть ли не до полудня. Полностью одетый, в тулупе, шапке и в сапогах, он лежит на скамейке, готовый к тому, чтобы в любое время снова обратиться в бегство.

Дедушка чинит пару разорванных ботинок. Сегодня вечером они снова отремонтированы. Квалифицированный сапожник? Здесь каждый для себя сапожник, строитель, каменщик, печник. Если на Западе какая-то специальность вымирает, то на Востоке она еще не раз становится профессией. Это дело каждого.

После того как отремонтированы ботинки, старик вращает жернов. Зерно размалывается на этой ручной мельнице прямо в доме. Старик сидит на корточках, теперь босиком, на глинобитном полу, его ноги испачканы черной грязью. Отдавая должное обитателям комнаты, следует сказать, что весь мусор попадает сюда извне. Внутри сравнительно чисто, и вся утварь сверкает.

Днем солнце хорошо высушило землю. Во второй половине дня я нахожусь в лесу, в расположении дивизии. Утром будет наступление. На обратном пути, посреди поляны, я обнаружил убитую птицу, которая немного меньше голубя, с перьями темного сланцево-серого цвета. Я беру ее в руку и ощущаю нежное оперение, которое блестит на свету. Кроме того, я вижу, что желтый клюв согнут в острый крюк. Хищная птица? Эта самая грациозная особь из всех хищников, должно быть, относится к виду мелких соколов (очевидно, это был кобчик *Falco vespertinus*. – *Ред.*).

30 июня

Тяжелый день, большие потери. Противник ждал нашего наступления точно в том месте, где оно началось. Два дня назад «Физелер-Шторьх»¹⁵ сбился с курса во время полета из места расположения дивизии в корпус и был сбит над боевыми порядками противника! Пассажиром этого самолета был офицер Генштаба, который вез с собой оперативный план нового наступления. Немецкое подразделение, которое быстро пробилось к месту падения самолета, обнаружило лишь пустую поврежденную машину. Пилота и офицера не было. Вероятно, и план наступления оказался в руках противника. Инцидент, как видно, повлечет за собой последствия. Гитлер расвирепел и намеревается привлечь к ответственности командира дивизии и командующего танковым корпусом, ибо «виновный» уклонился от энергичных действий. Однако, раскрыв план нашего наступления, противник, вероятно, не узнал много нового. Ведь для наступления танковым частям был предоставлен в распоряжение и без того узкий проход, который ведет к востоку по направлению к реке Оскол между низиной реки Волчья по отношению к соседу справа и долиной реки Короча, поросшей травой, – к соседу слева. Ожесточенное сопротивление. Т-34 и противотанковые средства в окопах. Активные действия наших танков. Местность пересекается оврагами и глубокими балками, которые необходимо объезжать. При этом многие танки подорвались на минах, установленных на обходных дорогах.

Горящая деревня под полуденным солнцем. При дневном свете языки пламени резко уменьшают видимость, ветер раздувает яркие лоскуты огня. Жители населенного пункта скрываются в вырытых укрытиях. То там, то сям, гогоча, с визгом несутся стаи испуганных гусей. Как будто задержанное невидимой рукой, наступление вдруг приостанавливается. Из танков выпрыгивают люди в черной форме. Происходят странные и страшные вещи. Взмахивая крыльями, окровавленная домашняя птица бросается на машины и солдат.

Сегодня я ехал в бронетранспортере вместе с унтер-офицером, я участвую в наступлении.

В непосредственной близости, с пашни, раздается выстрел из автоматической винтовки. Пуля, описав траекторию, ударяется о противоположную броню, я прячу голову за броней бронетранспортера, которая защищает стоящего в нем только до уровня плеч. Пули барабнят, как градины. Сильный удар по каске моего сопровождающего. Он простонал, что «получил тяжелое огнестрельное ранение в голову». Несмотря на замешательство, я все же сомневаюсь, в состоянии ли он отдавать отчет о тяжести повреждения, полученного в результате «тяжелого огнестрельного ранения в голову». Я снимаю с него каску, ощупываю его голову со всех сторон, не обнаруживая ранения. Лишь на каске снаружи осталась вмятина. Произошел рикошет! Я говорю своему наполовину оглушенному соседу, бледному как мел из-за того, что в него попали, но ему страшно повезло. Он, ошеломленный, смотрит на меня, как будто никак не может возвратиться к вновь обретенной жизни. Затем дрожащей, но непоколебимой рукой он сует руку в угол и вытаскивает оттуда бутылку коньяку, делает большой глоток и передает ее мне. Красная французская этикетка, испачканная красным сургучом. Что это может значить? «Это осталось еще от лейтенанта, который был ранен. Он стоял рядом со мной, так же как и вы». Я также делаю большой глоток и с благоговением ставлю на свое место «лекарство», отмеченное судьбой.

¹⁵ Легкий самолет Fi-156 конструктора Физелера с выступающими длинными стойками шасси, который был связным и легким разведывательным самолетом.

2 июля (письмо Х. Грюнингеру¹⁶)

«Когда залечивал свое ранение, я волею судьбы оказался в твоём батальоне. В твоё отсутствие им командует подполковник Мюллер. Он принял меня очень тепло, и во время наступления я ехал с ним в его командирской машине, рядом с двумя его офицерами-ордinarцами, несмотря на тесноту внутри.

Я обнаружил Мюллера рано утром в овраге, в стороне от дороги, под сенью деревьев. Ему только что передали управление боевой группой дивизии, сформированной в ходе подготовки наступления и состоящей из моторизованного пехотного батальона и подразделений танкового полка. Мюллеру следовало возобновить захлебнувшееся наступление, все надежды возлагались на энтузиазм его личности. Ты должен знать, что вчера дивизия понесла тяжелые потери. В частности, погиб командир танкового полка. Его преемник не справился с поставленными перед ним задачами, поэтому сегодня утром управление боем было осторожным, если не сказать подавленным. Наступление распалось на бои местного значения. На широком, постепенно стабилизирующемся фронте происходили танковые дуэли.

Но ты же знаком с темпераментом Мюллера. Он не мог спокойно смотреть на это. На совещании командиров, назначенном в середине дня, он назвал сложившуюся ситуацию угрозой для успешного проведения операции, в ходе которой дивизия действует на направлении главного удара не для того, чтобы медлить, а для ведения наступления. Остается одно: атаковать широким фронтом, используя моторизованный батальон на правом фланге. Множество приближающихся целей сойдут с толку противника и помешают ему сосредоточить огонь на отдельных боевых машинах. «Мы отбросим противника, будем преследовать его, и добьемся этого, не понеся больших потерь». Командир танкового полка высказал свои возражения с заметным раздражением, и не только в связи с тем, что его подвергли критике, но и в связи с тем, что он был старшим по званию и возрасту. Его аргументы также были убедительными, ведь его предостережения подтверждались логикой и опытом. Однако Мюллера не удалось переубедить, и он завершил совещание приказом.

Сразу после обеда танки развернулись в боевой порядок, а моторизованный батальон устремился на правый фланг, чтобы уже там, развернувшись, атаковать противника.

Наступают танки. За много километров наблюдается их движение за гребнем высоты. Они также разворачиваются еще на марше – медленно, веером, – пока не происходит эшелонирование боевого порядка в глубину. Мюллер двигается в своем головном подразделении. Мы находимся в набитой битком боевой машине. Он отдает приказы, используя радиосвязь. Моторизованный батальон действует на правом фланге, поддерживая тем самым наступление соседа, хорватской пехоты, которая действует на равнине, наступая цепью. (В советское время активное участие хорватов, а также словаков, как и участие множества добровольцев из всех стран Европы – от Норвегии, Дании и Нидерландов до Испании, Франции и даже советской с 1940 г. Молдавии, в войне против СССР старались не афишировать. Это помимо больших контингентов войск Румынии, Венгрии, Финляндии и Италии. Причем венгры сражались бок о бок с немцами до конца, как и французские эсэсовцы, оборонявшие в конце апреля 1945 г. подступы к бункеру Гитлера в Берлине. – *Ред.*) В толпе хорватов раздаются веселые возгласы, и они подают нам знаки. Ибо то, что разворачивается перед их глазами и что должно расчистить им путь (атака танков на открытой местности), не является рядовой поддержкой. Мюллер находится далеко впереди. Он стоит в башне танка без каски, на нем надета только пилотка. Подняв руку над головой, он дает сигнал к наступлению.

¹⁶ С тех пор он пропал без вести.

Танки и бронетранспортеры на гусеничном и колесном ходу движутся по равнине. Облака пыли висят в колышущемся воздухе и плавно переходят на заднем плане в вертикальную стену над землей. Тут и там происходят разрывы снарядов между нашими боевыми машинами, пламя выстрелов из пушек русских танков вспыхивает навстречу наступающим войскам. Все отчетливее выделяются на местности вражеские Т-34. На некоторых участках наступление приостанавливается, происходят танковые дуэли. Но затем и противник приступает к маневру. Русские начинают отходить. Все реже вокруг нас разрываются снаряды. Русские танки выдвигаются из своих окопов, им не хватает пространства для маневра. Некоторые везут на себе маскировку, похожую на зеленый парик. Однако один танк задержался чересчур надолго и с запозданием, двигаясь через высоты, оказался под сосредоточенным огнем. Одно время Т-34 защищает надежная броня, чему способствует низкий силуэт и наклонное расположение листов брони. Видно, как бронебойные трассирующие снаряды отскакивают от наклонной брони корпуса танка и его башни с орудием, словно преломленные световые лучи, и уходят в небо. Когда танк наконец загорается в результате прямого попадания, экипаж выпрыгивает и бежит, спасаясь бегством в заросли, где его ждет плен.

Вечером бой превратился в преследование. В связи с тем, что напряжение спадает, в разговорах пробивают себе дорогу радостные чувства. Хладнокровным остается только Мюллер, который отдает свои приказы. Время от времени очередной неразговорчивый пленный дает нам повод для шуток.

Мне запомнились черты человека, в котором олицетворялась победа в этот день. Узкое молоджавое лицо, выдающийся вперед нос. Голубые глаза, ясный и зоркий взгляд. Негромкая интонация. Неспешная речь защищает его в волнующие моменты спора. В нем нет грубости, резкости, а некоторые веселые слова смягчают форму обязательных к исполнению приказов. В его строгих чертах лица, узких губах проявляется неотвратимая отвага. В этом они, вероятно, все одинаковы, они подают пример подчиненным, чтобы действовать спокойно, без надрыва и быть самими собой.

(4 сентября под Сталинградом я узнал, что полковник Мюллер погиб в танковом бою. Узнать подробности не удалось. Я вспомнил о глубокой уверенности соратников Мюллера, которые говорили, что его тело окружает аура неуязвимости. Верил ли сам Мюллер в это и была ли «пуленепробиваемость» легендой?

«Герои живут в мире чудес, пока в них не погаснет звезда. Они являются героями лишь потому, что смертны» (Рене Квинтон¹⁷).

¹⁷ Квинтон Рене (1866–1925) – французский ученый, внесший значительный вклад в области медицины, биологии и физиологии (в 1904 г. выявил сходство между составами морской воды и плазмы человека).

4 июля

Достигли реки Оскол. Я следую за наступающими войсками, которые южнее продолжают форсировать реку. Дивизия развернулась на юго-восток, используя результаты прорыва 2 июля¹⁸.

Мощный чернозем сменился менее плодородной почвой, лишь тонкий слой дерна покрывает круто обрывающиеся меловые склоны, которые горестно сверкают на солнце. У Оскола, извиистой реки, стремительное течение. Иногда она мчится, подобно альпийским рекам. Если бы мы, Флайсснер и я, знали это, то наверняка отказались бы от купания в тепловатой и грязной реке Волчья.

По ту сторону реки Оскол, в отдаленном населенном пункте, я нашел штаб танкового корпуса. «Отдаленный» не является подходящим словом. Для нас, иностранцев, это не было бы «отдаленным» в стране, где растущая удаленность от родины вызывает в душе потаенную оторопь. Однако об этом никто не говорит. Эта мысль угнетает, ибо она парализует энергию, без которой нам всем не обойтись.

Селение расположено «уединенно». Но это относится даже не к населенному пункту, а к тому времени, когда я пишу, и той вновь обретенной тишине после выдвигения сюда штаба, который развернул здесь разветвленную систему кабельных линий. Флайсснер и я являемся единственными отставшими солдатами. Война снова перенеслась дальше. Местность превращается в ландшафт – и все же мы, наверное, должны были согласиться с определением «местность», когда поэт сказал, что местность – это лик земли.

Север и южная местность
Почивают в мире¹⁹.

На рассвете штаб совершает марш. Меня оставили для работы. Затем по крутому луговому склону я спустился для утреннего умывания к речке, которая течет, петляя за деревней. Фруктовые сады спускаются почти до воды. Я устроился на берегу. Густой камыш стоит стеной. Из-за нее, как из-за театральных кулис, выходим для непродолжительного выступления друг за другом. Появляется небольшая серая собака, которая осторожно оглядывается и, увидев меня, испуганно прыгает в камыши; затем белая курица, которая сразу затягивает «оду снесенному яйцу». Поблизости должно быть и гнездо сороки, поскольку слышно взволнованное стрекотание его обитателей, доходящее до моего слуха. Рядом со мной копошится на острых концах листьев крапивы в паутине недавно вылупившаяся гусеница дневной бабочки, тогда как под ней грызут листья крупные, покрытые выростами гусеницы бабочки павлиноглазки. Вниз по склону из кустарника рябины раздается зовущее пение иволги, первой в этом году. Но она остается скрытой в листве и сверкает своим золотым оперением только тогда, когда улетает.

Когда я снова медленно поднимаюсь вверх, то вижу большую ветряную мельницу. Между домами стоят пожилые люди и бойко обсуждают итоги этих дней. Я нахожусь слишком далеко, но я, вероятно, не понял бы их, если бы находился и рядом. От наших людей, понимающих местный диалект, известно, что обсуждается в деревне: останется ли все по-прежнему, или хозяевами станем мы? И что станет с парнями из деревни, братьями, сыновьями, которые сражаются в Красной армии? Скоро ли закончится война?

¹⁸ Изменение направления наступления произошло согласно приказу фюрера.

¹⁹ И. Гёте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.